

УДК 801.3; 001.4

ПРОБЛЕМА ВЫХОДА ИЗ ДУХОВНОГО КРИЗИСА ЦИВИЛИЗАЦИИ В КУЛЬТУРНОМ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

¹Васильев А.М., ²Газарян Е.И.

¹Армавирская государственная педагогическая академия;

²Армавирский Православно-социальный институт, Армавир, e-mail: alexey771977@mail.ru

Мы постарались рассмотреть особенности цивилизационного развития России и выхода ее из духовного кризиса. В статье предлагается рассмотреть ряд программ выхода из кризиса, которые были реально использованы на практике.

Ключевые слова: кризис; цивилизация; духовная культура; гражданственность; государство

PROBLEM OF AN EXIT FROM SPIRITUAL CRISIS OF A CIVILISATION IN CULTURAL AND ANTHROPOLOGICAL ASPECTS

¹Vasilyev A.M., ²Gazaryan E.I.

¹Armavir state pedagogical academy;

²Armavir Orthodox-Social institute, Armavir, e-mail: alexey771977@mail.ru

We have tried to consider the features of the civilized development of Russia and its entry from the spiritual crisis. In the article is invited to consider a number of programs out of the crisis, that were actually used in practice.

Keywords: crisis, civilization, spiritual culture; citizenship; the state

Духовная культура в российском цивилизационном процессе предполагает исследование главного вопроса, вопроса о том, что такое экзистенциальная ментальность русского человека и насколько она позволяет цивилизоваться в плане формирования гражданской идентичности.

Особенность цивилизационного развития России заключается в том, что главной формой социальной интеграции является государственность, которая задает все основные ориентиры: единый символический универсум и один нормативно-ценностный порядок. Тем не менее, следует подчеркнуть самое тесное единство социального культурологического и антропологического в процессе исследования современной России [1, с. 22]. Поэтому и проблема выхода из кризисов всегда связывалась в основном с государством. Такие программы закономерны, но имеют ограниченную значимость.

Человечество в разные времена обращалось к реализации целого спектра программ выхода из кризиса. Может показаться преувеличением, но одна из первых философско-методологических программ – это программа древнегреческого философа Платона [2, с. 31]. Это всесторонне обосновал А.Ф. Лосев. Возникнув в социально-философских исследованиях (русских и западных мыслителей), они трансформировались во влиятельные социальные, экономические и политические программы.

Здесь предлагается рассмотреть ряд программ выхода из кризиса, которые были реально использованы на практике [3, с. 246].

Один из примеров – воплощение теоретических построений марксизма в России.

Первая программа – это индустриально-технологическая доктрина общественного развития. Ее основания уходят вглубь истории, и вызваны они прогрессом науки и техники. Главные установки программы ориентированы на техническую реализацию производительной силы науки. Социальные отношения в этом случае создают для личности ситуации соревновательности, конкуренции и риска, способной побудить человека к активности и мобилизации его возможностей при условии безопасности и выживания его как отдельного индивида. Основания духовной жизни тоже обусловлены сциентистскими установками и прагматической рационализацией. В основе морали такого общества находится установка на «разумный» эгоизм как отражение компромисса противоположных интересов. Модели этой программы варьировались по мере того, как изменялось представление о научных и технологических возможностях общества и их, как правило, позитивных, социокультурных последствиях. Среди таких самых последних программ – идея технотронного и информационно-технического обществ [4, с. 11-12].

Вторая программа базируется на новых формах радикального консерватизма, нашедших свое распространение в середине двадцатых годов в Германии. Обращение к идеалам этого нового консерватизма было следствием всеобщего хаоса в результате мировой войны и цепи революционных

событий как в России, так и за рубежом. Порядок, дисциплина и властная иерархия были взяты в качестве альтернативных по отношению к «ценностям» бесконтрольной анархии и грубого эгалитаризма, которые связаны якобы с утверждением демократических и либеральных институтов, ценностей и форм жизни.

Утверждалось, что выход из кризиса будет найден в объединении двух ранее разделенных между собой традиций – всегда свойственной немецкому менталитету склонности к коллективизму, самоотречению, самопожертвованию, дисциплине, обязанностям, а также социалистической идеологии. Нетрудно увидеть, что в проектах этой консервативной революции намечалась идейная почва для подготовки наступления национал-социализма, итальянского и немецкого фашизма в Западной Европе.

Третья программа – это собственно концепция фашистского государства. Руководители фашистского движения также ждали наступления эпохальной культурной революции. Как замечает Ю.Н. Солопин, в такой фашистской «революции» надо отметить устойчивую тенденцию на ресакрализацию общественной жизни, утверждение священного положения о единстве общества по натуралистическим признакам, по тождеству расовых инстинктов единообразных индивидов; утверждение жесткой корпоративной структуры и абсолютного подчинения как основного регулятора всех общественных отношений [5, с. 12]. Важная роль в рамках данной программы отводилась социальной мифологии: вся жизнь мыслилась как реализация мифа, из которого формируется и новый человеческий тип («сверхчеловек», по Ф. Ницше).

Четвертая программа определяет социалистическую перспективу. Эта программа представлена в ряде вариантов, при этом некоторые радикальные варианты нашли свое воплощение и были реализованы в социуме. Интересно, что даже наиболее радикальные лидеры, т.е. вожди коммунистического проекта, рассматривали возможный успех в качестве шанса на преодоление цивилизационного тупика, возможности выхода из кризиса. Например, В.И. Ленин утверждал, что только пролетарская революция и она «одна в состоянии спасти гибнущую культуру и гибнущее человечество» [6, с. 64].

История России демонстрирует путь реализации данной программы с ее настойчивым воплощением в практику средствами тоталитаризма и террора. Надо при этом отметить, что в ряде некоторых формальных моментов и третья, и четвертая программы в конечном итоге оказываются очень близкими.

Пятая программа является либеральным вариантом выхода из кризиса. Опыт второй половины XX и начала XXI века наглядно показал, что эта программа стала наиболее реальным путем преодоления кризиса, охватившего развитые страны в первой половине XX века. Западные страны не сразу встали на данный путь, но это позволило им восстановить утраченную динамику развития европейской цивилизации и даже реализовать ее на более высоком уровне. Возникшие и постоянно развивающиеся структуры соответствующего гражданского общества, новый долговременный экономический рост, и как следствие, резкое улучшение уровня и качества жизни связано с выбранной гуманистической ценностной ориентацией. Даже феномен, который Х. Ортега-и-Гассет тонко описал в виде «восстания масс», постепенно отодвинулся в прошлое, унося с собой угрозы и опасности тоталитарного соблазна [7, с. 704]. Провал коммунистической перспективы и распад очень мощной системы социализма тоже стали следствием принятого направления движения западной цивилизации и культуры по либерально-демократическому пути. К сожалению, в этом отношении трудно проводить параллели между теориями философского либерализма в западной и отечественной мысли. В то время как история европейской либеральной философии насчитывает, если вести отсчет от Дж. Локка, уже три столетия, зародившийся в XIX в. русский либерализм был слаб и непопулярен в обществе и до сих пор остается таковым.

В течение XX в. предпринимались попытки преодолеть кризис, в том числе и кризис культуры, например, создать новое искусство на обломках старого. Однако вопрос состоит в том, что погибшую культуру нельзя заменить новой. Культура погибла, но погибла не просто старая культура, на смену которой может прийти новая. На смену культуре должна прийти не новая культура или какое-то ее подобие, должна прийти некая новая форма человеческой деятельности, духовности, интеллектуальности, самовыражения, само- и мировосприятия. Человечество должно в муках родить новую форму существования. Возможно, сейчас это и происходит.

Обеспечение верховенства права ведет к действию алгоритма в деятельности государственных служащих в различных ситуациях. Из множества действий, которые совершаются на основе личных либо групповых интересов, потребностей, эмоций и других мотивов, выбираются именно те, которые не противоречат закону. В аспек-

те теории игр юридический закон помогает выделить одно состояние равновесия из множества других возможных [8, с. 5-9].

В целом можно констатировать, что острый кризис может стать источником умеренного оптимизма, поскольку заставляет признать необходимость изменения существующих «правил игры» с тем, чтобы выстроить своеобразную «вертикаль доверия», которая начинается в обыденных, повседневных взаимодействиях людей и, проходя затем через властные структуры национальных правительств, достигает международного уровня.

Список литературы

1. Самусенко И.М. Российская цивилизация: социокультурные аспекты анализа компонентов: автореф. дис. ... канд. ... филос. наук. – Ставрополь, 2009. – 22 с.
2. Платон Государство // Его же. Собрание сочинений: В 4 т. – Т. 3. – М.: Мысль, 1994. – 31 с.
3. Сидорина Т.Ю. Философия кризиса. – М.: Флинта; Наука, 2003. – (456 с.). – С. 246.
4. Солонин Ю.Н. Кризис культуры в контексте русского и западноевропейского менталитета // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 6. – 1993. – Вып. 3, № 20. – С. 11–12.
5. Солонин Ю.Н. Кризис культуры в контексте русского и западноевропейского менталитета. – С. 12.
6. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 37. – С. 64.
7. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс.
8. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. – М.: Изд-во «Весь Мир», 1997. – 704 с.
9. Maravall J.M., Przeworski A. Introduction // Democracy and the Rule of Law. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003. – P. 5-9.